

Остановись, мгновение красоты

Живопись Юрия Колдаева, несомненно, знакома волоколамскому любителю изящных искусств. Некогда камчатский художник, на своей первой в Волоколамском крае выставке он показал нам самобытный Дальний Восток: камчатских аборигенов, несговорчивое северное море, рыбацкие станы, отбушевавшие вулканы. И снега, снега, снега – бесконечные, и, казалось, навсегда, без надежды на весну, покрывшие землю, но, что поразило тогда при их изобилии, такие, оказывается, м-м-м... разнооттеночные в своей близне.

Вторая выставка Колдаева, теперь нашего земляка, – родные нам волоколамские пейзажи, картинки степенной провинциальной жизни, натюрморты с роскошными цветами средней полосы России.

Мы в сутолоке дней ко всему своему как-то присмотрелись, привыкли. А это своё, порой даже неказистое на вид, – живописно. И, подчас, не сразу узнаваемо, неожиданно ново – такой ракурс, оттенок, настроение, ситуацию нашёл художник. Для творца всё прекрасно, наставлял пришедших в искусство Роден, потому что в каждой вещи он открывает характер.

Как чудесно, делились впечатлениями почитатели Колдаева, что мы можем смотреть на мир глазами художника, – это освежает жизнь, даёт душе отдых от нашего жёсткого сегодня.

Подчеркивая значительность события, начальник управления культуры Валентин Медведев назвал волоколамскую коллекцию картин Колдаева вкладом в культуру района. Казалось бы, отметил Валентин Петрович, маленький город, но в его выставочном зале экспозиция сменяет экспозицию, и сегодня здесь снова праздник – вернисаж.

Художественные выставки в Волоколамске, как ни удивительно это может показаться, – традиция. Сразу после войны, вспоминал старейший волоколамский художник Владимир Петрович Логунов, он и его товарищи по цеху стали устраивать показ своих работ. Тогда, увы, всё происходило куда скромнее, не было салона в Волоколамском кремле, и они выставлялись в районной библиотеке.

- Многие художники ушли в мир иной, – сказал Логунов. – Это потеря

для культуры района. Но у нас есть и приобретение – Юрий Колдаев.

Тайны выставки, или Портрет жены художника

Наверное, редкий художник не запечатлел облик своей возлюбленной – то потребность сердца. Вспомним великих: Рембрандт оставил нам Саскию, Рубенс – Елену Фоурмент, Брюллов – Юлию Самойлову, Дали – Галу.

Юрий Колдаев когда-то сделал единственный портрет своей жены Людмилы. И, быть может, взялся бы писать её ещё не раз, но... не хочет, избегает позировать Людмила Гри-

ВЕРНИСАЖ

ОНИ ВСЕГДА ПОХОЖИ НА ТЕБЯ

горьевна. У неё своя философия. Передать женский образ, женскую натуру – нет на свете ничего труднее, обманчивее и безнадежнее. Это и великих отчаивало – кисти ломали.

Тут вспомнился Расул Гамзатов: Художник бедный, думаю, любя, Что написать гораздо будет проще Мне вешний луг и свет

в осенней роще –
Они всегда похожи на тебя.

Юрий Колдаев посвятил, подарил выставку жене. Это был его сюрприз, тайна, которую открыл ей лишь на вернисаже. Всё к её ногам – ивы в сиренево-розовом цвету, первый робкий снег, буйство красных флоксов... Оглядываешься вокруг – как романтично, фантазия уносит!.. Это всё – она: "всегда похожи на тебя".

- Она – ваша муза?
- Нет, помощница.
- А чем она вам помогает?
- Тем, что не мешает.
- !??

На этюды – ранним утром, до глубокой ночи, день за днём. Дома опять – холст, кисти, краски и покой. И нет упрёков – дар быть женой художника.

И вот он, вернисаж. С сотню картин. Сиреневое настроение. Хотя картины Колдаева скорее всё-таки по-

весть, потому что сюжет их прост, как проста по сути сама наша жизнь. От натюрмортов веет кустодиевским купеческим покоем, благодатью, домостроем. Пейзажи... Сонные улочки в рябиновом и берёзовом убранстве. Бабы полощут бельё с мостка. Монахини по осени торопливо собирают яблоки в монастырском саду: небо нахмурилось, вот-вот хлынет дождь. Разграбленная церковь в Теряеве: зима, занесённая дорога обостряют ощущение её одиночества.

Художник в известной мере откровенен. Он приоткрывает занавес: рассказывает гостям выставки, как работал над картинами, искал сюжеты. С "Церковью Преображения Господня" так не везло: солнце то выходило, то скрывалось, играя светом и тенью и путая палитру этюда. Волоколамский кремль. Обычно пи-

шут его традиционный вид на валу. Колдаев нашёл свежий ракурс, точку, с которой интересно рисовать. Но точка, вот неувязка, в чьём-то огороде. Хозяин – ни в какую: мол, что за блажь. Художник – уговаривать. Свершилось! А "Ночь в монастыре"... Несколько ночей в полнолуние художник провёл в Иосифо-Волоцкой обители, наблюдая почти мистическую картину природы. Небо – ультрамарин в бледно-жёлтых лужах лунного света. Луна льёт свет на купола, пытается проникнуть в глубь леса. Но кажется, будто свечение исходит не от неё, а от куполов. А внизу – лес настойчиво хранит какой-то языческий, жутковатый мрак.

- Юрий Ефимович, почему у вас нет акварели? Она так и просится в весенние этюды.

- Акварель – не моё. Слишком нежная. Масло – другое. Мясистое. Его чувствуешь на кисти, чувствуешь, как кладёшь мазок...

Кругом букеты сирени, жасмина, восхищался кто-то в зале. Они так сочно написаны, что от них как будто и вправду исходит аромат, – ощущение счастья!

Елена ДАНИЛОВА